

VI. Гаагский конгресс (2-7 сентября 1872 года).

На конгресс Интернационала в Гаагу прибыло из разных стран 67 человек делегатов. Большинство делегатов были сторонники Маркса или его друзья. Маркс заранее принял все меры, чтобы иметь на своей стороне большинство голосов. Чтобы обеспечить победу Маркс решил поехать на конгресс лично; это выступление на интернациональном конгрессе было первым; до этого Маркс предпочитал не присутствовать на конгрессах Интернационала, а действовать, как он выражался сам из-за кулис.

Первые три дня конгресса были посвящены проверке мандатов. В мандатную комиссию вошли сам Маркс и четверо из его сторонников; представители меньшинства получили лишь два места. Мандатная комиссия, по предложению Маркса постановила, что ввиду исключительного положения Интернационала во Франции, где Интернационал подвергается жестокому гонению, по отношению к французским делегатам принять следующую меру: не указывать какие секции их делегировали. Таким образом, конгресс не имел возможности установить правильность делегирования относительно французских делегатов. По отношению к американским делегатам произошёл следующий казус: представители американских секции выбрали делегатами Зорге и Дерера. После избрания Зорге заявил избравшим его секциям, что ему необходимо несколько *чистых незаполненных мандатных бланков*. Когда один из присутствовавших попытался было сделать возражение на незаконность такого требования, то Зорге вынул из кармана и показал *письмо Маркса*, в котором тот просил привести в Лондон несколько чистых мандатных бланков. Против такого приказа возражать было нечего. Зорге получил двенадцать чистых мандатов без фамилий и по приезде в Лондон передал их Марксу. Маркс раздал их по своему усмотрению. Когда об этом узнал Герман Юнг, то он спросил Маркса – верно ли это? Маркс, не отрицая факта, сказал, что Зорге, показавший письмо, *глупый осёл*.

Из шестидесяти семи человек, прибывших на конгресс 22 человека были членами Главного совета и являлись сторонниками Маркса. Эти 22 делегата совместно с 12 делегатами от американских секций, мандаты которых Маркс роздал по своему усмотрению, уже составляли большинство конгресса. К этому большинству присоединились немецкие делегаты в числе девяти человек, хотя эти делегаты в сущности говоря не были делегированы *секциями*[91], а лишь группами и рабочими союзами. Согласно уставу Интернационала, делегаты рабочих групп и союзов не могли иметь права решающего голоса в вопросах, касающихся организации и управления Интернационала. Но, вопреки этому на конгрессе в Гааге немецким делегатам было дано право решающего голоса. В то же самое время мандатная комиссия сочла неправильным мандаты делегата от одной американской секции, (под предлогом, что эта секция является защитницей *свободной любви*), и мандат делегата от женевской «секции пропаганды и социалистического

действия». Делегатом от этой секции был Н. Жуковский и этого было вполне достаточно, чтобы закрыть перед ним двери конгресса. Между тем мандатная комиссия утвердила мандат зятя Лафарга, выданный ему «Новой Мадридской секцией Интернационала», насчитывавшей только девять членов, отколовшихся от старой мадридской секции. Эта новая секция была принята Главным Советом вопреки протестам Испанского Федерального Совета.

Программа конгресса состояла из следующих вопросов: 1) о полномочиях Главного Совета; 2) Предложение внести в устав девятую резолюцию Лондонской конференции о политической деятельности пролетариата; 3) различные меры административного характера, избрание Главного Совета, назначение места будущего конгресса и т. д.

Дебаты по вопросу о полномочиях Главного Совета открыл делегат от секций города Льежа, бывший в то же время членом Главного Совета, А. Герман. Он указал, что пославшие его секции, как и все вообще бельгийские секции, придерживаются того мнения, что Главный Совет не должен быть политическим центром, навязывающим секциям свою теорию и стремящимся управлять Интернационалом. Главный Совет должен быть реформирован на новых основаниях: каждая страна должна сама выбрать своего представителя и послать его в Главный Совет; ни один человек не может каким-либо иным путём сделаться членом Главного Совета. Цель, преследуемая Интернационалом, заключается в борьбе с капиталом, для того, чтобы уничтожить систему заработной платы и пролетариат. Каждая страна должна быть свободна в выборе средств действия, которые она считает наиболее подходящими для себя. Заканчивая свою речь, Герман говорит, что секции его уполномочили добиваться на конгрессе, чтобы конгресс поставил Совет в такие условия, в которых Главный Совет не мог бы больше навязывать свою волю всему Интернационалу.

После Германа выступил зять Маркса Лафарг. Лафарг в своей речи указывал, что делегировавшие его секции – Мадридская и Лиссабонская, наоборот настаивают, чтобы за Главным Советом были сохранены прежние полномочия: так как только благодаря Главному Совету существует Интернационал. Если уничтожить Главный Совет – Интернационал распадётся.

После Лафарга слово предоставляется делегату Юрской Федерации, Джеймсу Гильому. Гильом говорит от имени пославшей его федерации, и указывает, что в данный момент в Интернационале существует два идейных течения. Представители одного из этих течений смотрят на Интернационал как на создание группы лиц, исповедующих известную социальную доктрину. Это лица думают, что применение их теорий на практике сможет освободить труд и вот почему они стремятся всюду пропагандировать свои идеи и стараются помешать пропаганде всяких других идей, противоречащих их теории. Многие думают, что именно благодаря этой группе и её деятельности существует Интернационал. Представители другого течения, наоборот, считают, что Интернационал не является продуктом деятельности какой-либо группы, но возник и развился в силу самих экономических условий. Сходное положение работников в разных странах породило общность чувств, стремлений и интересов, и благодаря этой-то общности и возник Интернационал. Интернационал не есть создание какого-либо ума учёного теоретика, но является порождением самой жизни и экономических явлений.

Члены нашей Федерации на конгрессе в Базеле предложили сосредоточить в руках Главного Совета известные полномочия, теперь мы настаиваем, чтобы Главный Совет был лишён этих полномочий. Это требование мы основываем на том факте, что Главный Совет стал злоупотреблять данными ему полномочиями и наша Федерация испытала это на себе. Желание нашей Федерации уменьшить полномочия Главного Совета встретило отклик в среде других федераций; бельгийская федерация даже потребовала совершенного уничтожения Главного Совета, как бесполезного органа. Мы не идём так далеко. Но, когда это предложение было получено нами, мы обсудили его и задали вопрос: действительно ли необходимо при данных условиях существование Главного Совета? Мы опросили по этому поводу целый ряд федераций и на основании полученных ответов вывели заключение, что если Главный Совет и нужен, то ни коим образом не в виде какой-то власти и центра управления, но только как центр для письменных сношений и ведения статистики – не больше. Лично нам кажется, что федерации могли бы без этой промежуточной инстанции входить в непосредственные прямые сношения между собой; но, тем не менее, мы присоединились к мнению большинства.

Защитники Главного Совета возражают нам, что Интернационал должен иметь во главе сильную власть. На чем основывают они это требование? Интернационал ведёт борьбу экономическую, которая выражается в стачках, и борьбу политическую, которая в разных странах принимает различные формы – или легальную борьбу на выборах и выставление рабочих кандидатур, или же выливается в революционные формы. Борьба экономическая и политическая неотделимы друг от друга: они должны вестись вместе. Но, разве Главный Совет обладает способностью руководить нами в этой борьбе? Разве он когда-нибудь организовывал хотя бы одну стачку? Нет. Главный Совет не имеет никакого влияния на социальные конфликты; когда они возникают, то только чувство солидарности, но не приказы, заставляют рабочих выступать совместно со своими товарищами. Вспомните какой протест заявила женевская федерация, (я буду приводить примеры только Швейцарии). когда указывалось что стачки 1868 и 1868 годов были предприняты по приказу из Лондона и Парижа. Мы не хотим, чтобы Интернационал действовал по приказам Главного Совета или кого-либо другого. Для политической борьбы Главный Совет также совершенно не нужен: он не может вести рабочих к революции, потому что революции возникают самостоятельно, а не под влиянием диктующей власти. Таким образом мы приходим к заключению, что существование Главного Совета бесполезно. Однако, мы не требуем его полного уничтожения, но мы предлагаем ограничить его роль и сделать его простым бюро переписки и статистики.

В ответ на эту речь делегат от нью-йоркских секций Зорге, говорит, что «американцы, путем опыта, пришли к совершенно противоположным заключениям, чем Юрская Федерация. Юрская Федерация, говорит Зорге, объявляет себя противницей власти, я хотел бы, чтобы она не имела власти печатать те гадости, какие она печатала...» На этом месте речь Зорге была прервана голосами делегатов меньшинства, которые требовали, чтобы председатель призвал Зорге к порядку дня. Зорге взял свои последние слова обратно и стал продолжать свою речь:

«Нам говорят, сказал он что Главный Совет никогда не организовывал стачек. Это не верно. Его вмешательство было очень действительно во время стачки бронзовщиков в Париже, а также во время стачки рабочих на фабриках швейных машин в Нью-Йорке и механиков в Ньюкасле...»

Здесь опять речь Зорге была прервана английским делегатом Моттерчидом, который заметил: «это неверно, механики Ньюкасла не имели никакого отношения к Главному Совету».

Зорге, оставив без внимания это замечание, продолжает свою речь:

«Главный Совет должен быть генеральным штабом Интернационала. Защитники и сторонники автономии говорят, что наша Ассоциация не имеет нужды в голове, мы думаем обратное, мы думаем, что голова нужна и она нужна с большими мозгами внутри. (Многие делегаты смотрят на Маркса и смеются). Мы должны иметь сильную централизацию, и я заканчиваю свою речь пожеланием, что не только нужно лишить Главный Совет тех полномочий, какие он имеет, но что его полномочия следует увеличить».

После Зорге слово предоставляется делегату испанской федерации, Мораго. Мораго говорит, что спорить о размерах власти Главного Совета это только терять понапрасну время, так как, в действительности, Главный Совет не обладает достаточной силой, чтобы держать секции в подчинении. Интернационал, являясь свободной организацией, возникшей из инстинктивной организации пролетариата, уже одним фактом своего существования служит выражением протеста против власти. Было бы поэтому совершенно наивным надеяться на то, что сторонники автономии рабочих коллективов отказались бы от своих идей. Испанская Федерация стоит за свободу, и она никогда не согласится признать за Главным Советом иной роли, кроме как центра корреспонденции и статистики.

После этих речей заседание было закрыто, и на другой день в частном заседании конгресса, закрытым для публики, Главный Совет предложил конгрессу принять в измененной редакции статьи вторую и шестую общего регламента. Статьи эти были составлены в такой редакции:

«Статья 2. – Главный Совет обязан выполнять постановления конгрессов и наблюдать за точным исполнением секциями всех постановлений и устава Интернационала.

Статья 6. – Главный Совет имеет также право распускать секции, отделения, советы или федеральные комитеты и федерации Интернационала до созыва следующего конгресса.

Однако, по отношению к секциям, принадлежащим к какой-либо федерации, Главный Совет, прежде чем распускать их, обязан предварительно посоветоваться об этом с подлежащим федеральным советом.

В случае роспуска какого-либо федерального совета, Главный Совет должен оповестить об этом секции, входившие в эту федерацию, и просить избрать в тридцатидневный срок новый федеральный совет.

В случае роспуска целой федерации, Главный Совет должен немедленно сообщить об этом всем федерациям Интернационала. Если большинство федераций потребует для разбора дела созыва экстренной конференции, то Главный Совет обязан исполнить эту просьбу и конференция должна вынести окончательное решение по данному вопросу».

Эти статьи были приняты большинством конгресса без прений. По поводу предоставления Главному Совету права роспуска целых федераций слово взял сам Маркс. Маркс указывал, что нельзя ограничивать право роспуска, тем более что в силу постановления Базельского конгресса, давшего Главному Совету право закрытия секций, Главный Совет может вполне закрыть целую федерацию, только не сразу, а постепенно, закрывая одну секцию данной федерации за другой. Не лучше ли говорил Маркс, выразить это право более ясным и определенным образом и прямо сказать, что Главный Совет имеет право распускать и закрывать целые федерации? Если его выбор упадет на такую федерацию, как, например, Юрская Федерация, которая позволяет печатать в своём официальном органе заведомую ложь и клевету, то предпринятая Главным Советом мера принесет Интернационалу только пользу.

После того, как были приняты эти статьи, которыми Главный Совет облакался более сильной властью, чем он пользовался до того времени, Энгельс, совершенно неожиданно для большинства делегатов, внёс *предложение перенести Главный Совет из Лондона в Нью-Йорк*. «Интересы Интернационала требуют, говорил Энгельс, удаления Главного Совета из Лондона, по крайней мере на один год. и, сообразуясь с обстоятельствами, признаётся наиболее удобным перевести Главный Совет в Нью-Йорк».

Предложение о перенесении Главного Совета из Лондона в Нью-Йорк было подписано Марксом, Энгельсом, Мак-Доннелом, Секстопом, Лонге, Лесснером, Ле-Муссю, Серайе и Барри.

Делегаты были ошеломлены. На конгрессе, некоторое время царил молчание. Но, затем поднялись протесты, особенно энергично протестовали французы-бланкисты, во главе с Вальяном. Дело в том, что эмигрантам бланкистам, жившим в Лондоне, Маркс обещал несколько мест в Главном Совете Интернационала. Однако, Маркс боялся допустить бланкистов в Главный Совет и поэтому решил лишить их всякой возможности оказывать своё влияние на Интернационал.

Но, почему, однако, выбор Маркса пал на Нью-Йорк? По всей вероятности Маркс, решая перенести Главный Совет в Нью-Йорк, рассуждал так: Нью-Йорк слишком далёк от Европы, и Главный Совет, находясь там, будет избавлен от всех нежелательных элементов и всякого чуждого Марксу влияния. С другой стороны, сам Маркс также как бы отстранялся от деятельности в Главном Совете. Но, в то же время Маркс хорошо знал, что в Нью-Йорке, где во главе секций стоял его преданный друг Зорге, Главный Совет будет всецело выполнять

его желания. Таким образом, думал Маркс, для непосвященных будет видно, что он, ради блага Интернационала, чтобы прекратить все поводы к нареканию, добровольно ушёл из состава Главного Совета и даже сам внёс предложение перенести совет в Нью Йорк.

Однако, Маркс, несмотря на свой острый ум, не принял во внимание одной вещи: обманывая бланкистов и думая, что он нашёл выход из создавшегося положения и обеспечил за собой влияние на Главный Совет, он забыл о том, что та часть Интернационала, которая требовала уничтожения Главного Совета или низведения его до роли, как говорил Маркс, «простого почтового ящика» для приёма и пересылки корреспонденции, могла рассуждать так: «раз Главный Совет перенесён на другой берег Атлантики, это будет для нас служить доказательством того, что возможно вполне обходиться и без Главного Совета, так как, в действительности, нахождение Главного Совета в Нью-Йорке будет равносильно тому, что его как будто нет совсем».

Действительно, приблизительно таким образом рассуждали часть английских, бельгийских и голландских делегатов и это их заставило голосовать совместно с Марксом и его друзьями за перенесение Совета в Нью-Йорк. Голоса этих делегатов (девять голосов) и дали перевес марксистам (За перенесение Совета в Нью-Йорк было подано 30 голосов, против 14 при 12 воздержавшихся. Если бы девять делегатов из оппозиции вместо того, чтобы голосовать за, голосовали бы *против*, то за предложение Маркса было бы собрано только 21 голос, а за оставление Совета в Лондоне 23 голоса (14+9). Таким образом, в то время как Маркс был в восторге от одержанной победы над бланкистами, автономисты были благодарны Марксу за допущенную им огромную ошибку.

Следующее заседание конгресса было посвящено прениям по вопросу *о политической деятельности*. Группа делегатов от большинства внесла предложение дополнить основной устав Интернационала девятой резолюцией, выработанной на Лондонской конференции, несколько изменив её редакцию. Это постановление было отредактировано в следующих выражениях:

«В своей борьбе против коллективной власти господствующих классов, пролетариат может действовать как класс только при том условии, если он сам образует политическую самостоятельную партию, противопоставленную всем прежним партиям, основанным господствующими классами.

Это объединение пролетариата в политическую партию является необходимым условием для того, чтобы обеспечить торжество социальной революции и её конечной цели – уничтожение классов

Коалиция рабочих сил, уже достигнутая благодаря экономической борьбе, должна также служить рычагом в руках рабочего класса в его борьбе против политического могущества его эксплуататоров.

Обладатели земли и капитала пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увеличения своих экономических монополий и для эксплуатации труда, завоевание

политической власти является, следовательно, великой обязанностью пролетариата».

Бланкисты, с своей стороны, внесли предложение принять их резолюцию, в которой говорилось, что «если стачка является формой революционного действия, то баррикада представляет другую форму революционного действия, самую действительную из всех форм». Бланкисты требовали, чтобы в программу следующего конгресса был внесён вопрос «об организации боевых революционных сил пролетариата».

Прения по этому вопросу носили несерьёзный характер. Два оратора, выступившие за принятие резолюции Главного Совета, бланкист Вальян и марксист Гепнер, в своих речах не касались основных идей и ограничились лишь указанием необходимости политической борьбы. Вальян говорил о великом значении *силы и диктатуры*, заявив, что кто не думает так, как он является буржуа и интриганом. Вальян добавил, что раз постановление будет принято большинством конгресса и будет внесено как параграф основного устава в *библии Интернационала* (буквальное выражение Вальяна), то весь Интернационал обязан держаться этой политической программы иначе же все несогласные подлежат исключению.

Немецкий делегат Гепнер заявил, что все интернационалисты, не желающие принимать участие в политической избирательной борьбе, как, например, швейцарцы, являются союзниками «шпиона» Швейцера, и что воздержание от голосования ведет прямо в полицейский участок... «Нам говорят, добавил Гепнер, что Главный Совет навязывает свою теорию; это ложь, в Германии мы не видим ничего подобного; политические теории, изложенные в постановлениях Главного Совета, находятся в полном согласии с стремлениями немецких рабочих и поэтому не приходится говорить о каком бы то ни было насилии со стороны Главного Совета».

Со стороны меньшинства слово было дано только одному Гильому, хотя раньше его записалось ещё двенадцать ораторов. Считая себя не вправе воспользоваться словом вне очереди, Гильом отказался выступить, но большинство конгресса настояло, чтобы он говорил. Как оказалось впоследствии всё это было устроено с задней целью – план Главного Совета заключался в том, чтобы выслушать на публичном заседании теории оппозиции в лице Гильома, а затем, в конце конгресса, исключить, из Интернационала представителя этой оппозиции; таким манёвром Главный Совет думал убедить широкую публику что принципы и идеи оппозиции не имели других защитников кроме Гильома, которого большинство конгресса нашло недостойным быть членом Интернационала.

Речь Гильома была, неполна, потому что он не успел обсудить все тезисы с представителями меньшинства. Кроме того, Гильом не хотел раскрывать все махинации Главного Совета перед посторонней публикой, присутствовавшей на конгрессе, хотя у него имелись в кармане компрометирующие письма Энгельса к Кафиеро. Вследствие этого Гильом ограничился лишь кратким изложением федералистской и революционной теории, которую он противопоставлял теории, изложенной в знаменитом манифесте коммунистической партии 1848 года изданном Марксом и Энгельсом. Гильом указал, что внесение в устав Интернационала девятой резолюции будет первым шагом на пути осуществления этой программы. Затем Гильом указал, что термин *абстенционисты*,

применяемый Главным Советом к интернационалистам бельгийским, голландским, юрским, испанским и итальянским не совсем правилен... Все интернационалисты, воздерживающиеся от участия в избирательной борьбе, не отрицают политику и не проповедуют политического индифферентизма, но считают необходимым вести политику другого рода, так называемую политику труда, отрицающую политику буржуазии. Различие между положительной политикой большинства конгресса и отрицательной политикой меньшинства заключается в том, что большинство стремится *к завоеванию политической власти*, а меньшинство хочет *уничтожения политической власти*.

Резолюция, предложенная Главным Советом, была принята большинством 29 голосов против 5, при 8 воздержавшихся.

В субботу 7-го сентября состоялось последнее публичное заседание конгресса, оно было посвящено почти целиком изложению идей Интернационала, имевшее целью познакомить с принципами Интернационала многочисленную публику, явившуюся в зал заседаний конгресса. Вечером в субботу состоялось закрытое заседание конгресса, на котором должен был быть обсужден вопрос об «Альянсе социалистической демократии». Этот вопрос, в глазах Маркса и Энгельса, был наиболее важным из всех и ради него, собственно говоря, они созвали самый конгресс[92].

Разбор дела об Альянсе был поручен особой «комиссии пяти», в состав которой вошли делегаты Куно (немец), Лукен (француз), Сплингард (бельгиец), Ришар (француз) и Вальтер (француз). Эта комиссия имела целью установить тот факт, что некоторые члены Интернационала основали в 1868 году тайный союз, названный ими «Альянс социалистической демократии», и который имел программу, противоречащую уставу Интернационала.

Комиссия пяти посвятила несколько тайных заседаний на разбор документов, переданных ей Энгельсом. После этого она сделала допрос некоторым делегатам, при чём одни из них фигурировали в качестве свидетелей, а другие в качестве обвиняемых. С первого же заседания комиссия не ограничилась ролью беспристрастного исследователя, а стала в роль судьи. Она повела форменный допрос свидетелей, вызывая их по одиночке и стараясь запутать их и сбить. Ввиду такого отношения некоторые свидетели отказались давать свои показания; другая часть свидетелей, являвшихся фактически скорее обвинителями, просиживала в комиссии целые часы. Мы не можем сказать, что происходило во время этих заседаний; мы не знаем каковы были показания этих свидетелей, так как протоколы этих заседаний не были опубликованы.

Но, чтобы понять какого рода работой была занята эта «комиссия пяти», нам достаточно будет выслушать мнение двух членов этой самой комиссии.

Так, член этой комиссии, делегат Сплингард, после того, как выслушал все показания Маркса и Энгельса, заявил что обвинители не дали никаких веских улик и что всё это дело является, по его мнению, ложью и мистификацией. Дальнейшее обсуждение вопроса об Альянсе он считает бесполезной тратой времени.

Другой член комиссии пяти, французский делегат Вальтер, принадлежавший к большинству конгресса то есть, стоявший на стороне Маркса, при виде всего того, что происходило в комиссии, решил выйти из её состава и написал председателю комиссии Куно письмо, в котором он заявлял, что не может участвовать в подобной комиссии и что он слагает с себя всякую ответственность за все решения этой комиссии. Правда, что на следующий день Вальтер изменил своё мнение, но, ниже мы увидим, каковы были причины, заставившие его снова вступить в комиссию.

Другой знаменательный факт, в субботу, 7 сентября, около четырёх часов дня граждане Куно, Лукен и Ришар – члены комиссии пяти – заявили Гильому, что несмотря на все заботы и старания некоторых лиц, комиссия не пришла ни к каким серьёзным выводам и что когда комиссия представит на вечернем заседании конгресса свой доклад, то делегаты увидят, что гора родила мышь. Затем между Лукеном и Гильомом завязалась дружеская беседа по поводу реорганизации секций во Франции и о необходимости создания французского федерального совета и т. п. Лукен высказывал Гильому своё доверие и просит его вести с ним переписку, дал ему свой адрес и открыл свою настоящую фамилию. Затем члены комиссии расстались с Гильомом и отправились на заседание, чтобы выслушать дополнительные *показания Маркса*. Что мог сказать нового Маркс? Мы не знаем[93]. Но, в результате этого получилось то, что мнение всех трёх членов комиссии, только что дружески беседовавших с Гильомом, совершенно изменились и четвертый член, Вальтер, отказался от своего письма и присоединился к комиссии.

После переговоров с Марксом, Комиссия неожиданно изменила своё мнение и составила своё знаменитое заключение, которое и было прочитано на вечернем заседании в субботу, за несколько минут до закрытия конгресса. Вот это заключение:

«Доклад комиссии по делу Альянса.

За недостатком времени Комиссия не имеет возможности представить конгрессу подробный доклад по делу Альянса, поэтому она ограничивается лишь кратким заключением, основанным на тех документах и данных, какие были ей доставлены.

Выслушав показания граждан Энгельса, Карла Маркса, Вроблевского, Дюпона, Серайе и Шварма от Интернационала,

и граждан Гильома[94], Швицгебеля, Жуковского, Алерини, Мораго, Марсело, Фарга-Пелиссье, обвиняемых в том, что они состояли членами тайного общества Альянса,

нижеподписавшиеся заявляют:

- 1) Что тайное общество Альянса, имевшее устав совершенно противоположный уставу Интернационала, существовало, но нет достаточных доказательств того, существует ли это общество в данный момент;
- 2) Доказано, фактом существования проекта устава и целого ряда писем, подписанных «Бакунин», что этот гражданин хотел, а может быть и успел, основать в Европе общество,

называемое Альянс, имеющее устав совершенно различный с уставом Интернационала как с точки зрения социальной, так и с точки зрения политической;

3) Что гражданин Бакунин употреблял мошеннические проделки, чтобы захватить часть средств, принадлежавших другому лицу, что является воровством[95].

Кроме этого, чтобы не выполнять взятых на себя обязательств, он и его агенты прибегали к угрозам.

На основании всего этого члены Комиссии просят Конгресс:

1) Исключить гражданина Бакунина из Международного Товарищества Рабочих;

2) Исключить также граждан Гильома и Швицгебеля так как члены комиссии убеждены, что они состоят и в данный момент членами названного Альянса.

3) На основании документальных данных установлено, что граждане Малон, Буске – этот последний секретарь полицейского комиссара в Безья (во Франции[96]) и Лун Маршан, занимались деятельностью, имеющей целью дезорганизовать Интернационал. Комиссия просит также исключить и их.

4) Что же касается граждан Мораго, Фарга-Пелиссье, Марсело, Алерини и Жуковского, Комиссия, – принимая во внимание их определённые заявления, что они не состоят больше членами названного Альянса, – просит Конгресс оставить их дело без последствий.

Чтобы избежать нареканий в пристрастии, члены Комиссии просят, чтобы все документы, которое были им представлены, а также и все свидетельские показания, были опубликованы в официальном органе Интернационала.

Гаага, 7 сентября 1872 г.

Председатель Ф. П. Куно, делегат от Штутгарта и Дюссельдорфа.

Секретарь Лукен, делегат от Франции».

Прочитав этот документ, читатель видит, что нет возможности выступить с серьёзной критикой всех обвинений, приведённых в нём. Поэтому мы ограничимся лишь кратким указанием тех противоречий, которые встречаются на каждой строке этого документа.

Во-первых, с одной стороны, мы читаем, что *тайный Альянс существовал, но что нет достаточных доказательств того, что он существует теперь*, а, с другой стороны, несколько ниже говорится, что *Бакунин хотел, а может быть, и успел, основать общество, называемое Альянсом*. Ещё несколькими строками ниже мы читаем: Комиссия убеждена что Гильом и Швицгебель *состоят ещё членами названного Альянса*. Возможно ли нагромоздить столько противоречий на нескольких строках? На самом деле, или Комиссия должна признать, как она это делает в первом параграфе своего заключения, что нет достаточных доказательств

того, что Альянс продолжает существовать, тогда Комиссия не могла сказать, что она убеждена, что Гильом и Швицгебель *состоят ещё членами Альянса*, – или же Комиссия должна была сказать, если у неё были на то фактические данные, что Альянс был основан и продолжает существовать, тогда зачем было нужно говорить так неопределенно, что Бакунин *хотел, а может быть и успел основать в Европе Альянс*.

Наконец в докладе говорится, что Альянс, – о существовании которого Комиссия не может сказать ни *да*, ни *нет*, – *имел устав совершенно противоположный уставу Интернационала*.

В действительности, комиссия отлично знала, что Альянс существовал, что Бакунин не только хотел его основать, но вполне успел это сделать, что Альянс действовал у всех на виду, что Главный Совет, в своём письме от 20 марта 1869 года признал что программа этого Альянса *не содержит в себе ничего противоречащего общим тенденциям Интернационала* и что программа и регламент секции Интернационала в Женеве носившей название секции Альянса, были одобрены Главным Советом (см. письмо Эккариуса от 28 июля 1869 г.[97]).

Комиссия обвинила Бакунина в мошенничестве, но в подтверждение такого серьёзного обвинения она не представила конгрессу даже малейшего доказательства, и обвиняемый не был ни предупреждён, ни заслушан! На простом языке такой поступок называется клеветой. Впрочем, честь Бакунина не могла быть задета подобными обвинениями.

Председатель Комиссии Куно, заявил на конгрессе, что Комиссия не получила, в действительности, ни одного материального доказательства, подтверждающего приписываемые обвиняемым инкриминируемые факты, но Комиссия, заявил Куно, по отношению к этим гражданам имеет *моральную уверенность* в их виновности, и поэтому, не имея возможности представить конгрессу определённых доказательств, Комиссия просит конгресс *довериться* её заключению.

После речи председателя Комиссии, член комиссии Сплингард просит слова и прочитывает следующее своё заявление:

«Я протестую против заключения Комиссии по делу Альянса и оставляю за собой право объяснить причину моего протеста перед Конгрессом. В процессе расследования, по моему мнению, выяснилась только одна вещь – это *попытка* Бакунина организовать в среде Интернационала тайное общество.

Что же касается исключений из Интернационала некоторых его членов, предлагаемого большинством Комиссии, я не могу требовать исключения, так как я не получил на это полномочий[98] и поэтому я буду оспаривать это постановление перед конгрессом

Рох. Сплингард».

Далее в своей речи Сплингард в нескольких сильных выражениях охарактеризовал доклад комиссии и странную речь её председателя Куно.

После этого председатель конгресса предложил Гильому выступить в защиту себя. Гильом отказался, говоря, что выступать против заключения Комиссии это значило бы принимать всерьёз всю комедию, устроенную большинством Конгресса. Гильом ограничился лишь указанием, что большинство конгресса, предпринимая репрессии против некоторых членов меньшинства, хочет нанести удар в лицо их всей федералистской части Интернационала. Но, прибавил он, ваша месть запоздала, мы уже заранее заключили договор солидарности, который вам сейчас прочитают.

После Гильома выступил Швицгебель, который сказал «нам вынесли заранее приготовленный обвинительный приговор, но, рабочие сами вынесут обвинительный приговор решению вашего большинства».

Затем Виктор Дав, делегат от секции в Гааге прочитал следующую декларацию:

«Декларация меньшинства.

Мы, нижеподписавшиеся, члены меньшинства гаагского конгресса, сторонники автономии и федерации рабочих групп, прежде чем конгресс приступил к голосованию своих постановлений, которые, как нам кажется, будут идти в разрез с теми принципами, какие приняты в странах, нас делегировавших, желая в то же время избежать всякого рода раскола в среде Интернационала должны заявить конгрессу следующее:

- 1) Мы будем продолжать поддерживать с Главным Советом чисто деловые сношения, касающиеся уплаты взносов, переписки и статистики;
- 2) Федерации, представляемые нами, установят между собой и всеми отделениями Интернационала прямые и постоянные сношения.
- 3) В том случае если Главный Совет захочет вмешаться во внутренние дела какой-либо федерации, представители которых подписали настоящее заявление, обязуются совместными силами защищать свою автономию, исключая те случаи, когда федерации явно пойдут в своих действиях против устава Интернационала, принятого женевским конгрессом.
- 4) Мы предлагаем всем федерациям и секциям подготовиться к будущему конгрессу с тем, чтобы в среде Интернационала был принят, как основной принцип организации труда, принцип федеративной автономии.
- 5) Мы не войдем ни в какие сношения с так называемым всемирным федералистским Советом в Лондоне[99], и ни с какой другой организацией чуждой Интернационалу.

Алерини, Фарга-Пелиссье, Мораго, Марсело, – делегаты Испанской федерации.

Бризме, Конен, Флюс, Ван ден Абель, Ебергард - делегаты Бельгийской федерации.

Швицгебель, Гильом – делегаты Юрской федерации.

Дав, Гергард – делегаты Голландии.

Сова – делегат Америки».

Члены большинства молча выслушали эту неожиданную для них декларацию. Никакого возражения с их стороны не последовало. Председатель спешно предложил приступить к голосованию об исключении членов Интернационала, предложенных Комиссией. В это время из 65 делегатов на конгрессе осталось лишь 43. За исключение Бакунина высказалось 27 за, против 7 при 9 воздержавшихся. За исключение Гильома высказалось 25 за, против 9 при 9 воздержавшихся. За исключение Швицгебеля высказалось 15 голосов за, против 17 при 9 воздержавшихся[100].

Таким образом, Бакунин и Гильом были исключены из Интернационала, а Швицгебель остался. Узнав результат голосования Швицгебель заявил протест, говоря что он был назначен Комиссией к исключению по тем же причинам как и Гильом и поэтому совершенно абсурдно исключать одного и не исключать другого. Большинство на это ничего не ответило. Со своей стороны Гильом заявил, что он будет считать себя, несмотря на исключение, членом Интернационала.

Один член из большинства, поняв, что по отношению к следующим, подлежащим исключению, лицам – Малону, Буске и Маршану, – голоса ещё более разобьются, внёс предложение отклонить предложение Комиссии пяти об исключении этих лиц из Интернационала. Большинством делегатов это предложение принимается.

Таким образом, гражданин Буске, обвинённый, – впрочем, ложно, – в шпионаже, остался членом Интернационала. Бенуа Малон также остался членом Интернационала, хотя Маркс очень хотел, чтобы Малон был исключен; Малон, хотя и не был членом Альянса и не состоял в особой дружбе с Бакуниным, был антипатичен Марксу за его независимый дух.

После процедуры исключения Бакунина и Джеймса Гильома из членов Интернационала, некоторые делегаты потребовали от «Комиссии пяти» доклада о действиях Главного Совета, так как многие представители Федераций поручили этой комиссии расследовать также дело о злоупотреблениях Главного Совета (превышение власти несоблюдение устава, клевета на членов Интернационала и т. д.). Однако, комиссия заявила, что за недостатком времени она не имела возможности выполнить вторую половину возложенной на неё задачи. После этого, председатель конгресса Зорге объявил о закрытии конгресса. Конгресс закончился публичным митингом, на котором выступали Маркс, Беккер. Зорге и другие делегаты от большинства на митинге не присутствовали.

Делегаты меньшинства; прежде чем покинуть Гаагу и разъехаться по своим странам, устроили также общее собрание, на котором приняли участие представители почти всех секций Интернационала: американцы, англичане, ирландцы, голландцы, бельгийцы, русские, французы, итальянцы, испанцы и швейцарцы. Между всеми этими делегатами

царило полное единодушие и все они горели одним желанием, чтобы Интернационал стал мощной организацией самих рабочих.

На конгрессе в Гааге было произведено расследование о воображаемом «тайном Альянсе», но, на этом же конгрессе, благодаря свободному соглашению некоторых итальянских, испанских, русских, французских и юрских интернационалистов было положено основание действительной организации, которая поставила целью объединить все федерации Интернационала на основе свободного соглашения и братской дружбы, связав Интернационал узами солидарности.

Версия #1

создал 22 июня 2025 00:28:57

обновил 22 июня 2025 00:30:18